

А.И. Едличко

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ang299@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам изменения языковых норм в настоящее время под влиянием информационно-коммуникативных технологий. Рассматриваются некоторые теоретические положения о специфике языковых норм в функциональном (т.е. норм, широко распространенных в речи) и кодификационном аспектах (т.е. норм, зафиксированных в нормативных правовых актах, словарях, справочниках, учебниках и грамматиках). Описываются ключевые параметры языковой нормы как негомогенной категории, характеризующейся, с одной стороны, консерватизмом, устойчивостью, обязательностью, образцовостью, директивностью и другими константными признаками; с другой — динамичностью, нестабильностью и изменчивостью, что нередко приводит к возникновению языковых девиаций. Трансформации языковых норм в интернет-пространстве становятся толчком для возникновения новых понятий и формирования новых терминов: «русский цифровой литературный язык» (А.В. Козуляев), «критика языка Интернета» (К. Дюршайд), «граммар-наци» и других. В статье приводятся примеры нарушения и изменения норм русского и немецкого языков в электронной коммуникационной среде. Рассматриваются две области критики языка Интернета: письмо (или написанный текст) и коммуникативное поведение в Сети. Выявляются отклонения от языковых норм на разных уровнях (графическом, орфографическом, лексическом, синтаксическом) в русскоязычной онлайн-коммуникации. Также намечаются некоторые перспективы исследований в данной области.

Ключевые слова: языковые нормы, параметр, кодификация, интернет-коммуникация, трансформация нормы, нарушение нормы, девиации, русский язык, немецкий язык

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-6

Для цитирования: Едличко А.И. Языковые нормы в цифровую эпоху // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. Т. 28. № 2. С. 91–104. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-6

Едличко Анжела Игоревна — кандидат филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; ang299@yandex.ru

Категория языковой нормы как объект научного исследования рассматривается в рамках различных лингвистических наук: теории общего языкознания, стилистики, теории культуры речи, лексической семантики, функциональной грамматики и многих других. Широкий круг проблем, связанных с исследованием различных аспектов языковых норм литературного языка и его территориальных, социальных и функциональных вариантов, находит свое отражение в работах отечественных ученых (Ю.А. Бельчикова, Л.И. Богдановой, Л.А. Вербицкой, В.А. Ицковича, Т.Ю. Загрязиной, М.Л. Каленчук, Л.П. Крысина, В.Г. Костомарова, И.Г. Милославского, З.Г. Прошиной и многих других) и зарубежных лингвистов (А. Едличко, К. Дюршайд, Д. Кристала, Т. Нира, Й. Шиве, У. Холлмаха и других).

Традиционно языковая норма изучается в двух *аспектах* — *функциональном* и *кодификационном*. В первом случае норма рассматривается в качестве «внутриязыковой категории, присущей языку как системе» [Вербицкая, 2011: 48]. Такая норма соблюдается без внешнего давления и без законодательной, образовательной и лексикографической кодификации. Являясь имплицитной по своей сути, она носит узальный характер и характеризуется прежде всего социальной обусловленностью, т.е. признанием социума. В целом, в данном случае можно говорить о речевой норме, которая *de facto* соблюдается прежде всего образованными носителями языка при использовании разных вариантов языка: диатопических (территориальных), диастатических (социальных), диафазических (ситуационных). По справедливому замечанию И.Г. Милославского, владение формально правильной речью всегда связано с «общественной престижностью» [Милославский, 2013: 30].

С другой стороны, кодификационный аспект понимания языковой нормы предполагает ее фиксацию как в законодательных документах (в нормативных правовых актах), так и в учебно-образовательных материалах (в научных и учебных изданиях — словарях, справочниках, грамматиках, учебниках и учебных пособиях). Т.е. в данном случае нормы регулируются формальными нормативами — предписаниями, фиксирующими языковые феномены с определенными целями. Представляется, что такая классификация норм в зависимости от наличия или отсутствия закрепления может рассматриваться как речевая и языковая норма.

В рамках научной нормализаторской деятельности создаются как отдельные словари, так и большие словарные корпусы. Следует обратить внимание на тот факт, что принципиально важным

для представленности корпуса русского языка является создание российского Национального словарного фонда — общедоступного цифрового ресурса, куда будут включены 30 лучших российских словарей, вышедших за последние 300 лет. В Федеральном законе¹ в п. 1 отмечается: «Национальный словарный фонд является федеральной государственной информационной системой, которая представляет собой совокупность информации о нормах современного русского литературного языка, зафиксированных в нормативных словарях, а также в словарях, содержащих сведения о развитии норм русского литературного языка, и информационных технологий и технических средств, обеспечивающих обработку такой информации»². Целью такого проекта является повышение уровня общей грамотности населения, а также защита и сохранение государственного языка РФ³.

Возвращаясь к типологии норм, отметим, что в зависимости от диамедиальной вариативности языка, т.е. с учетом канала передачи информации и формы коммуникации, также можно выделить языковые нормы устной и письменной речи. Принимая во внимание такой параметр, как уровень языка, говорят об орфоэпической, грамматической (морфологической, синтаксической), лексической нормах. Изучение норм было бы также неполным без исследования специфики их pragmatики.

Нельзя не сказать о сложившихся нормах различных вариантов плюрицентричного языка, т.е. языка, имеющего несколько национальных вариантов, которые развивают свои дистинктивные особенности на всех уровнях языковой системы. Так, собственные нормы сформированы в британском, американском, австралийском, новозеландском, канадском и других национальных вариантах английского языка; отличаются произносительные, артикуляционные, грамматические, лексические и pragmatические нормы стандартов немецкого языка в Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурге. Гетерогенизация норм наблюдается также в разных национальных вариантах французского, арабского, испанского и других плюрицентрических языков. Все чаще исследователи задаются вопросом о воз-

¹ Федеральный закон от 22.04.2024 N 93-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50502> (дата обращения: 10.09.2024).

² Там же.

³ Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О Национальном словарном фонде» (подготовлен Минобрнауки России 20.08.2024) // Гарант.ру, информационно-правовой портал. 02.09.2024. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56899350/> (дата обращения: 14.09.2024).

можности признания русского языка в качестве плюрицентричного, который имеет статус официального за пределами России (в Беларуси, Казахстане, Киргизии и других странах) и обнаруживает специфические лингвокультурные особенности на уровне грамматики, лексики и фонетики [Шайбакова, Протасова, Еленевская, 2023].

Современные трактовки языковой нормы предполагают учет комплекса параметров, объясняя понятие нормы как сложное явление, включающее наличие «взаимоисключающих признаков» [Горбачевич, 2009: 43]. Таким образом, подчеркивается гетерогенность нормы, «двуликий характер и предназначение языковой нормы, призванной сохранять преемственность национальной культуры и одновременно удовлетворять коммуникативным потребностям общества» [Горбачевич, 2009: 43]. С одной стороны, исследователи понимают языковую норму как некий стабильный феномен и относят к ее признакам такие качества, как *устойчивость, образцовый характер, консерватизм языкового идеала, распространенность языкового явления, двусторонний характер (объективный и оценочный), принцип коммуникативной целесообразности, авторитет источника, осознанность, обязательность, директивность, избирательность, унифицированность, престижность* и другие характеристики [Горбачевич, 2009: 43–48; Германова, 2011: 22; Едличко, 2020: 73; Едличко, 2022: 120–122]. Л.И. Богданова также говорит о *консерватизме* как неотъемлемом параметре языковой нормы, объясняя релевантность данного признака с точки зрения культурно-языковой традиции, поскольку именно консерватизм нормы «способствует устойчивости литературного языка, благодаря чему облегчается передача культурных ценностей от поколения к поколению» [Богданова, 2011: 27]. Иначе говоря, следование нормам и их сохранение обеспечивают восприятие, понимание и интерпретацию современниками классических литературных произведений авторов предыдущих поколений, являющихся одним из аксиологических ориентиров нации.

С другой стороны, языковые нормы нарушаются и характеризуются неоднородностью и нестабильностью, а динамичность нормы неизменно приводит к ее вариативности, изменчивости и возникновению девиаций [Едличко, 2020: 73], поскольку вариативность является универсальным свойством языковой системы.

При рассмотрении современных процессов трансформации языковых норм обычно обращается внимание на базовую экстраполингвистическую причину их изменений, которая связана прежде всего с появлением и развитием новых информационно-коммуни-

кавитивных технологий. Масштабное использование новых медиа обусловило возникновение новых видов коммуникативного взаимодействия на различных интернет-сервисах (Zoom, Skype, Telegram, WhatsApp и др.), в социальных сетях, с помощью электронной почты и т.д. на разных языках — как на родном, так и иностранных.

Согласно актуальным статистическим данным системы W3Techs⁴, процентное соотношение использования различных языков в Сети (подсчеты произведены на основе 10 млн крупнейших веб-сайтов) выглядит следующим образом (табл. 1):

Таблица 1
Использование языков в Интернете⁵

Место языка в рейтинге	2023 г. (% пользователей)	2024 г. (% пользователей)	2025 г. (% пользователей)
1	английский (55,5 %)	английский (49,3 %)	английский (49,2 %)
2	испанский (5,0 %)	испанский (6,0 %)	испанский (6,0 %)
3	русский (4,9 %)	русский (4,0 %)	немецкий (5,5 %)
4	немецкий (4,3 %)	немецкий (5,6 %)	японский (5,1 %)
5	французский (4,4 %)	французский (4,4 %)	французский (4,4 %)
6	японский (3,7 %)	японский (5,0 %)	португальский (3,9 %) русский (3,9 %)
7	португальский (2,6 %)	португальский (3,8 %)	итальянский (2,7 %)

Очевидно, что наиболее используемым в Интернете является английский — лингва франка современного мира. Русский язык традиционно занимает довольно высокие позиции и входит, в зависимости от временного периода, в тройку (2023 и 2024 гг.) или в шестерку (2025 г.) самых употребляемых в Сети языков. Данные более ранних статистик показывают, что русский язык также находился на верхних строчках рейтинга: например, в 2017 г. это было второе место (6,7%) сразу же после английского (51,2%)⁶. Заметим, что ранжирование «мест» нестабильно и может меняться ежеме-

⁴ W3Techs — сервис, предоставляющий обзор и анализ данных о различных веб-технологиях в Интернете.

⁵ По материалам: Usage statistics of content languages for websites // W3Techs — World Wide Web Technology Surveys. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (accessed: 15.05.2023; 14.11.2024; 10.01.2025).

⁶ Usage of content languages for websites // W3Techs — World Wide Web Technology Surveys. URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all (accessed: 28.10.2017).

сячно. Востребованность русского языка в Сети можно объяснить внешней языковой политикой России, целью которой является продвижение государственного языка РФ и увеличение численности владеющих русским языком как языком-посредником между представителями разных этносов.

Характеризуя функционирование современного русского языка в цифровом пространстве, А.В. Козуляев предлагает введение термина «русский цифровой литературный язык», который определяется как «особый корпус, <...> имеющий собственную нормативную базу, собственные правила развития и функционирования» [Козуляев, 2024: 37], проводя таким образом демаркационную линию между языком цифрового пространства с собственной экранной медиакультурой и языком реального мира с культурой традиционной.

Обосновывая появление и развитие нового идиома⁷, исследователь выделяет три зоны его функционирования. *Первая зона «Язык аудиовизуальных художественных, документальных, сериалных и обучающих произведений»* соотносится с нормотворческой деятельностью и, соответственно, включает подготовку нормативных правовых актов, регламентирующих использование русского языка в ряде институциональных сфер: в средствах массовой информации, рекламе, кино, видеопродукции и других. К специфическим характеристикам аудиовизуального дискурса автор описываемой концепции относит *псевдоустность* (с нормативно правильной орографией и произношением, а также редуцированной грамматикой, характерной для устной речи) и *«обязательную синхронизацию с видеорядом и подчиненность ему»* [Козуляев, 2024: 41], что предполагает жесткие лексические и синтаксические ограничения. *Вторая зона «Язык компьютерных многопользовательских серверных и однопользовательских игр»* отражает коммуникацию геймеров и характеризуется, с одной стороны, расширением функциональных сфер языка и распространением различной информации. С другой стороны, тексты игр не свободны от ошибок разного типа, а также от использования разговорных форм и сленга. В *третьей зоне «Язык новостных лент и телеграмм-каналов, чатов (новых медиа)»* формируется свой собственный корпус прецедентных феноменов и языковых единиц, на что влияют разные факторы:

⁷ Идиом в социолингвистике рассматривается как зонтичный термин, под которым понимается любое языковое образование (национальный язык, региональный язык, диалект, этнолект и т.д.).

частотность распространения, развитие коннотативных значений, единообразие понимания и т.д. В связи с этим намечается тенденция к их устойчивости. Однако, по мнению автора, цифровой литературный язык все еще является малоисследованным [Козуляев, 2024: 40–43].

В настоящее время особые дискуссии вызывают вопросы трансформации языковых норм в письменной интернет-коммуникации. Рефлексивный анализ проводится представителями академических кругов и общественности и чаще всего сводится к критическому обсуждению двух значимых областей: 1) письма (или написанного текста) и 2) коммуникативного поведения в Сети. Такая метаязыковая деятельность рассматривается исследователями как одно из направлений критики языка и именуется «критикой языка Интернета» (нем. Internet-Sprachkritik) [Dürscheid, 2020]. Заметим, что критические замечания довольно часто высказываются не только извне (лингвистами, журналистами, педагогами), бурное обсуждение грамматических и орфографических ошибок (а не содержания) наблюдается непосредственно в социальных сетях под постами авторов текстов. Одним из результатов деструктивной критики стало появление в разных странах интернет-сообществ «граммар-наци» (англ. grammar nazi, нем. Grammar-Nazi) — радикальных борцов за грамотность, агрессивно требующих от коммуникативных партнеров (авторов текстов и комментаторов) соблюдения грамматических правил [Bahlo, Becker, Steckbauer, 2016]. Однако одновременно с названным наблюдается, как ни странно, одобрение и продвижение безграмотной письменной речи в онлайн-среде. Так, К. Дюршайд говорит о парадоксальности ситуации в немецкоязычном коммуникативном интернет-пространстве и монетизации неграмотности на Facebook: «изначально неправильное написание использовалось в качестве веселого способа привлечения внимания к ... ошибкам, но теперь оно также употребляется как стилистический прием и продается соответствующим образом (например, через игры, книги и футболки)» [Dürscheid, 2020: 329]. На специально созданной странице с ошибочно написанным названием „Nachdenkliche Sprüche mit Bilder [sic!]“, рус. «Наводящие на размышления картинки» (в оригинале слово *Bilder* написано без окончания *-n*) можно найти и купить открытки с орфографическими, пунктуационными и другими ошибками не только на немецком (например: *Retzept für 1 suppe Ehe; Du bist das Betse was wo je passiern ist!; Ich wümsche dir 1 neutrales Weinachtsfest*

ohne besondere Vorkomnisse LG и др.), но и на английском языке или их смешении (Merry Christmes, oke? Tschüs!)⁸. Таким образом, намеренное или несознательное нарушение языковых норм может быть как предметом обсуждения в социальных сетях, так и прибыльным бизнесом.

Что же касается непосредственно письменного текста, русскоязычная цифровая коммуникация характеризуется отклонениями от языковых норм на разных уровнях:

- 1) на уровне графики и орфографии:
 - приближение графической формы слова к звуковой для имитации устной речи: *сёдня* (*сегодня*), *исчо* (*ещё*), *аймалатица* (*ай, молодец*), *чо/че* (*что*);
 - использование заглавных букв при написании всего слова/текста: *МАМА, ВНИМАНИЕ*;
 - написание всех слов (в том числе имен собственных) со строчной буквы: *ваша д.а.*;
 - повтор букв в слове: *тaаaак, oгoooo*;
- 2) на лексическом уровне:
 - использование разговорной, сниженной и ненормативной лексики;
 - употребление заимствований из английского (*скил, кринж, рандом, рофл, чиллить*) и японского (*тян/тянка* ‘девушка’, *кун* ‘парень’)⁹ языков;
 - использование многочисленных сокращений и аббревиатур: *З.Ы.* вместо *P.S.*, *элка* (электричка), *вб* (*Wildberries*), *сфоткала* (сфотографировала), *пенсы* (пенсионеры), *лс* (личные сообщения);
- 3) на уровне синтаксиса:
 - большое количество эллиптических конструкций;
 - наличие текстов, состоящих только из фрагментарных предложений;
- 4) в области пунктуации:
 - использование большого количества знаков препинания (восклицательных и вопросительных знаков, многоточия,

⁸ Nachdenkliche Sprüche mit Bildern. Das Original von Willy Nachdenklich. URL: <https://www.nachdenkliche-sprueche-mit-bilder.de/en/product-58.html> (accessed: 21.01.2025).

⁹ Появление заимствований из японского языка можно объяснить прежде всего экстраконфессиональными факторами и популяризацией японских молодежных субкультур.

круглых скобок) или, наоборот, их отсутствие (запятой, точки в конце предложения¹⁰).

В качестве подтверждения некоторых аспектов сказанного можно привести фрагмент переписки в чате в Telegram молодой женщины (Т.):

(Т.) *А что, если я оставлю здесь мамский лайфстайл, а лингвистику выделю в отдельный канал?*

(Т.) *Как вам такой вариант?*

- Я за
- Я против
- Тык

(комментарий подписчика): *пофик*

(Т.) *Таааак*

(Т.) *Такого я не ожидала))*

(Т.) *Но хорошо, значит продолжаем все разговоры здесь*

(комментарий подписчика): *урааа*)

Текст написан молодой 25-летней женщиной, недавно ставшей мамой и желающей поделиться со своими подписчиками некоторыми профессиональными и бытовыми советами. Несмотря на то, что автор текста хорошо владеет литературным русским языком как в устной, так и в письменной формах, гибридизация устной и письменной речи, а также сознательное отклонение от графических (*таааак, урааа, использование скобок*) и лексических норм (*мамский лайфстайл, тык, пофик*), а также мультимодальность сообщения (использование неверbalного компонента — цветного эмодзи «сердце») характеризуют неформальный стиль общения и используются с целью привлечения внимания и передачи экспрессивности содержания.

Помимо перечисленных ранее аспектов, предметом критики выступает также интернет-коммуникация в образовательно-академической сфере. Анализируя специфику дистанционного формата коммуникационного взаимодействия студентов и преподавателей в одном из российских вузов, авторы исследования [Галынская,

¹⁰ Заметим, личная переписка на русском языке в молодежной онлайн-среде повлияла на функции некоторых пунктуационных знаков (точки, открывающей и закрывающей скобок). Так, изменилась стилистическая функция точки — ее наличие в конце предложения в личной онлайн-переписке говорит об агрессии, тревожности, а отсутствие — о нейтральности либо позитивном настрое.

Звягинцев, Коростелева, 2021] приводят данные о несоблюдении студентами норм этикета делового общения в Сети (или нетикета), в целом, и речевого этикета письменной речи, в частности. Указывается на отсутствие таких неотъемлемых элементов электронного письма, как обращение к преподавателю по имени-отчеству (95,8%), тема письма (72,4%) и приветствие (17,6%). При этом нередко письменное сообщение может содержать только вопрос или просьбу (9,6%), выраженную в том числе в повелительном тоне (например: «*Необходимо выслать ведомость на почту деканата*») (3%), или заменено на голосовое сообщение и отправлено преподавателю (14,1%) [Галынская, Звягинцев, Коростелева, 2021: 37].

Все названные признаки способствуют развитию дигитального языка, который Д. Кристал назвал нетспиком (Netspeak) [Crystal, 2001: 17], а М. Кронгауз — олбанским языком [Кронгауз, 2013].

Таким образом, вопросы трансформации норм в интернет-пространстве стоят в настоящее время особенно остро. Изменение языковой нормы под влиянием Сети, появление коммуникативных девиаций (использование редуцированной грамматики, пре-небрежение пунктуацией, упрощение этикетных речевых формул, замена синонимических рядов «ярлыками»), изменение языковых традиций доцифрового общения, параллельное существование и взаимодействие разных вариантов русского языка в цифровой среде, — все это ведет в формированию иной «культуры» речи, отличной от традиционной. Поэтому как никогда актуально звучат слова В.Г. Костомарова о том, что настоящее существование русского языка наглядно показывает, что «без нормированного языка нет и образованной нации, успешного воспитания человека, нет развития культуры» [Костомаров, 1968: 129]. Закрепление языковых норм в формальных нормативах — законах, сводах правил, «текстах культуры» — позволяет сохранять социокультурные традиции нации.

Изучение сущностных проблем, связанных с языковыми нормами, требует анализа онтологической, гносеологической и аксиологической специфики норм; их типологии и причин вариативности; лингвистической, социолингвистической и социокультурной роли норм и т.д. Эти и другие проблемы все еще ждут своего решения. В данной связи представляется перспективным как дальнейшее исследование развития различных норм отдельных языков и их вариантов, так и изучение норм разных языков и их вариантов в сопоставительном аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи: Лексикология для речевых действий: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.
2. Вербицкая Л.А. Роль языковой нормы в практике обучения русскому языку // Rhema. Рема. 2011. № 1. С. 47–53.
3. Германова Н.Н. Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкоznании. М.: Либроком, 2011.
4. Галынская Ю.С., Звягинцев В.В., Коростелева Н.А. Управленческий аспект соблюдения делового этикета в образовательном пространстве // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 5. С. 32–40.
5. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / отв. ред. Ф.П. Филин. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009.
6. Едличко А.И. Орфоэпические нормы немецкого языка: проблемы систематизации и кодификации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 72–82.
7. Едличко А.И. Лексикографическая кодификация произносительных норм немецкого языка: история и современность // XLIX Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады / Под ред. Т.В. Черниговской. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 118–136.
8. Козуляев А.В. Русский цифровой литературный язык: к постановке вопроса // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам. Русский язык как средство педагогического воздействия и взаимодействия в школе и вузе / ред.-сост. О.Е. Дроздова, В.С. Сергеев. М.: МПГУ, 2024. С. 37–48.
9. Костомаров В.Г. Проблемы культуры речи // Теоретические проблемы советского языкоznания / ред. Ф.П. Филин и др. М.: Наука, 1968. С. 126–142.
10. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М.: ACT: CORPUS, 2013.
11. Милославский И.Г. Кодификация содержательной стороны языкового знака // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 27–37.
12. Шайбакова Д., Протасова Е., Еленевская М. Лингвистический плюрицентризм и русский язык // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 663–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>
13. Bahlo N., Becker T., Steckbauer D. Von „Klugscheißern“ und „Grammatik-Nazis“ — Grammatische Normierung im Internet // Spiegel C., Gysin D. Gysin (Hgg.): Jugendsprache in Schule, Medien und Alltag. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2016. Pp. 275–286.
14. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
15. Dürscheid Ch. Internet-Sprachkritik // Niehr T., Kilian J., Schiewe J. (eds.) Handbuch.
16. Storrer A. Sprachverfall durch internetbasierte Kommunikation? Linguistische Erklärungsansätze — empirische Befunde // Plewina A., Witt A. (Hgg.): Sprachverfall? Dynamik — Wandel — Variation. Berlin, Boston: de Gruyter, 2014. Pp. 171–196.

Anzhela I. Edlichko

LANGUAGE NORMS IN THE DIGITAL AGE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ang299@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the current problems of changing language norms under the influence of information and communication technologies. Some theoretical provisions on the specifics of linguistic norms in functional (i.e. norms widely used in speech) and codification aspects (i.e. norms fixed in normative legal acts, dictionaries, reference books, textbooks and grammars) are considered. Some distinctive parameters of the linguistic norms are described as a heterogeneous category characterized, on the one hand, by conservatism, stability, commitment, exemplary, directive and other constant features, on the other hand, by dynamism, instability and variability. The last ones often lead to linguistic deviations. Transformations of linguistic norms in the Internet give an impetus to the emergence of new concepts and the formation of new terms such as "Russian digital literary language" (A.V. Kozulyaev), "criticism of the Internet language" (K. Dürscheid), "grammar nazi" and others. The article contains some examples of violations and changes of the norms of the Russian and German languages in the electronic communication. Two areas of criticism of the Internet language are considered: writing (or written texts) and communicative behavior in the Web. Deviations of linguistic norms at different levels (graphic, spelling, lexical, syntactic) in Russian-language online communication are revealed. There are also some prospects for research in this area.

Keywords: language norms, parameter, codification, Internet communication, transformation of the norm, violation of the norm, deviations, the Russian language

For citation. Edlichko A.I. (2025). Language Norms in the Digital Age. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2(28), pp. 91–104. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-28-2-6 (In Russ.)

About the author: Anzhela I. Edlichko — PhD in Philology, Associate Professor, Acting Chair of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; ang299@yandex.ru

REFERENCES

1. Bogdanova L.I. 2011. *Stilistika russkogo jazyka i kul'tura rechi: Leksikologiya dlya rechevyh dejstvij* [Stylistics of the Russian language and culture of speech: Lexicology for speech actions]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
2. Verbickaya L.A. 2011. Rol' jazykovoj normy v praktike obucheniya russkomu jazyku [The role of language norms in Russian teaching]. *Rhema*, no. 1, pp. 47–53. (In Russ.)

3. Germanova N.N. 2011. *Teoriya i istoriya literaturnogo yazyka v otechestvennom i angloyazychnom yazykoznanii* [Theory and history of the literary language in Russian and English linguistics]. Moscow: Librokom. (In Russ.).
4. Galynskaya Yu.S., Zvyagintsev V.V., Korosteleva N.A. 2021. Upravlencheskij aspekt soblyudeniya delovogo etiketa v obrazovatel'nom prostranstve [Management aspect of compliance with business etiquette in the educational space]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 5, pp. 32–40. (In Russ.)
5. Gorbachevich K.S. 2009. *Variantnost' slova i yazykovaya norma: na materiale sovremennoego russkogo yazyka* [Word variation and language norm. On the material of the modern Russian language], ed. by F.P. Filin. 2nd ed. Moscow: Librokom Publ. (In Russ.)
6. Edlichko A.I. 2020. Orfoepicheskie normy nemeckogo yazyka: problemy sistematizacii i kodifikacii [Orthoepic Norms of the German Language: some Problems of Systematization and Codification]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–37. (In Russ.)
7. Edlichko A.I. 2022. Leksikograficheskaya kodifikaciya proiznositel'nyh norm nemeckogo yazyka: istoriya i sovremennost' [Codification of the orthoepic norms of the German language: history and current situation]. In Chernigovskaya T.V. (ed.) *XLIX mezhdunarodnaya nauchnaya filologicheskaya konferenciya, posvyashchennaya pamyati Lyudmily Alekseevny Verbickoj (1936–2019). Izbrannye doklady*. Saint-Peterburg: Saint-Petersburg University Publ., pp. 118–136. (In Russ.)
8. Kozulyaev A.V. 2024. Russkij cifrovoy literaturnyyj yazyk: k postanovke voprosa [Russian Digital literary language: towards a question]. In Drozdova O.E., Sergeev V.S. (eds.) *Metapredmetnyj podhod v obrazovanii: russkij yazyk v shkol'nom i vuzovskom obuchenii raznym predmetam. Russkij yazyk kak sredstvo pedagogicheskogo vozdejstviya i vzaimodejstviya v shkole i vuze*. Moscow: MPGU, pp. 37–48. (In Russ.)
9. Kostomarov V.G. 1968. Problemy kul'tury rechi [The problems of speech culture]. In Filin F.P. etc. (eds.) *Teoreticheskie problemy sovetskogo yazykoznanija*. Moscow: Nauka, pp. 126–142. (In Russ.)
10. Krongauz M.A. 2013. *Samouchitel' olbanskogo* [The Olbanski Tutorial]. Moscow: AST: CORPUS. (In Russ.)
11. Miloslavskij I.G. 2013. Kodifi kaciya soderzhatel'noj storony yazykovogo znaka [Codification of the Content of a Language Sign]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–37. (In Russ.)
12. Shaibakova D, Protassova E., Yelenevskay M. 2023. Lingvisticheskij pluricentrism i russkij yazyk [Linguistic pluricentrism and the Russian language]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 27 (3), pp. 663–686. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35316>. (In Russ.)
13. Bahlo N., Becker T., Steckbauer D. 2016. Von „Klugscheißern“ und „Grammatik-Nazis“ — Grammatische Normierung im Internet. In Spiegel C., Gysin D. (Hg.) (ed.) *Jugendsprache in Schule, Medien und Alltag*. Frankfurt a.M.: Peter Lang, pp. 275–286. (In Germ.)
14. Crystal D. 2001. *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Dürscheid Ch. 2020. Internet-Sprachkritik. In Niehr, T., Kilian, J., Schiewe, J. (eds.) *Handbuch Sprachkritik*. Stuttgart: J.B. Metzler, pp. 326–332. (In Germ.)

16. Storrer A. 2014. Sprachverfall durch internetbasierte Kommunikation? Linguistische Erklärungsansätze — empirische Befunde. In Plewina A., Witt A. (Hgg.): *Sprachverfall? Dynamik — Wandel — Variation*. Berlin, Boston: de Gruyter, pp. 171–196. <https://doi.org/10.1515/9783110343007.171> (In Germ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 22.03.2025.

The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 22.03.2025.